

КРАСНЫЙ АЛТАЙ

1937 год
27
ЯНВАРЯ
СРЕДА
№ 18 (4986)
Орган Барнаульского Горкома ВКП(б), Горсовета и Горпрофсовета

За измену родине, за неслыханное предательство интересов рабочего класса и крестьянства, за дичайшие убийства рабочих и красноармейцев, за организацию террористических актов против руководителей партии и правительства, за шпионаж и диверсии, за беспримерные в истории вероломство и подлость — трудящиеся Страны Советов требуют от Военной Коллегии Верховного Суда СССР беспощадной расправы с антисоветским троцкистским центром.

Торговцы родиной

(Передовая «Правды» за 25 января 1937 года)

На скамье подсудимых в Октябрьском зале Дома Советов сидит группа полных изменников родины. Бесстрашные, деревенным голосом профессора по кафедре вредительства дает показания Пятаков. Его смеяется циничный, нагло-развязный Радек. Из уст предателя сочится, как гной, жуткий, рассказ об их торговле родиной.

Трудно найти в истории человечества подобные примеры циничного, подлого предательства своей страны. Талейраны, мейяшисе, как перчатки, одних буржуазных хозяев на других, — малые дети по сравнению с троцкистами. Версальцы, пользовавшиеся косвенной помощью немцев, чтобы раздвинуть Парижскую Коммуну, выглядят шаками по сравнению с этой стаей злобных, одичавших троцкистских волков. Колчак, Деникин, Юденич — и те имели какую-то свою «белую идею» родины, мечту о «единой и неделимой» помещичье-капиталистической России, управляемой штыком и нагайкой генеральской диктатуры. Даже у фашистов, и у тех есть свой фашистский национализм. Но ниже их всех скатились в чудовищное предательство своей страны троцкистские выродки.

Девятнадцать лет назад рабочий класс СССР взял власть в свои руки, чтобы построить социалистическое общество. Он победил под руководством большевистской партии. Против большевиков Троцкий боролся почти в течение всей своей жизни.

Зиновьев и Каменев предавали партию и рабочий класс в дни предательских боев, Радек и Пятаков в тяжелые дни Брестского мира толкали страну на провокационные авантюры, заявляли, что они готовы пойти на «возможность утраты Советской власти». Когда наша страна под твердым руководством партии Ленина — Сталина пошла по пути строительства социализма, троцкистско-зиновьевская банда орала на весь мир: «Назад! Нельзя построить социализм в нашей стране. Не смеете!» Партия разгромила тогда троцкистско-зиновьевский блок. Сейчас трудящиеся СССР завершили в основном построение социализма в нашей стране.

По мере непрерывного роста благосостояния нашей социалистической родины возрастала злоба троцкистских реставраторов капитализма. Они не могли рассчитывать на какую бы то ни было поддержку народов Советского Союза. Глубокое презрение к народным массам питали предатели, не имевшие ни материальной опоры в массах. Изолированные, озлобленные, они пошли по пути террора, шпионажа и диверсий.

В подметках похвостных немецких ботаников вредителей Пешетов привозит из Берлина шестимесячные директивы Троцкого: стрелять в руководителей большевистской партии и советского правительства. Троцкистско-зиновьевский блок спешит выполнять эту директиву. Зиновьев объявляет делом своей зиновьевской «чести» убийство товарища Кирова. Троцкистский антисоветский центр организует похищение на жизнь Молотова.

Один террористический акт удался троцкистским убийцам: предательской пулей пробита драгоценная голова Сергея Мироновича Кирова. Троцкий торопит убийц: стреляйте скорее и больше! Троцкистский центр подготавливает «концентрированный террористический акт» — убийство целой группы руководителей партии и правительства. Но это лишь «первый вариант», как выражается Троцкий, его путь к власти. Второй, по мнению троцкистов, наиболее вероятный вариант — вызвать войну, добившись военного поражения СССР в результате войны с Германией и Японией. А чтобы вызвать войну, надо открыть ворота в СССР фашистским интервентам, надо гарантировать им жирную добычу, надо активно содействовать им шпионажем и диверсиями. Троцкистская «теория» о невозможности построения социализма в одной стране развивается до своего логического конца — необходимости свержения социализма при помощи фашистской интервенции.

За «теорией» следуют дела. Троцкий ведет переговоры и

затем заключает соглашение с заместителем Гитлера — Гессом, фашистским теоретиком колониальных захватов, руководителем особой разведывательной службы германской фашистской партии, правой рукой «фюрера» по организации крупных политических авантур. Обе, достойные друг друга, договаривающиеся стороны вели бесстыдный торг о купле и продаже территории, свободы и независимости Советского Союза. Германскому фашизму по договору Троцкого — Гесса отдавалась Украина — страна богатая хлебом, углем и металлом. Она должна была стать, как цинично признали Радек и Пятаков, германской колонией, а украинский народ — колониальным рабом фашистских генерал-губернаторов. Цветущая, экономически возродившаяся после хозяйничанья германских оккупантов в 1918 году, Украина отдавалась троцкистами на грабеж и фашистское насилие, обрекаясь на голод, национальное угнетение, на режим расстрелов, виселиц и концентрационных лагерей. Запродажа Троцкий Украины германским фашистам была одобрена антисоветским троцкистским центром в СССР. Радек подкреплял политические сделки Троцкого с германским фашизмом в своих личных беседах в Москве с военным аташе — фашистским генералом от диверсии.

Сделка с германским фашизмом представлялась, однако, недостаточной для троцкистских торговцев родиной. Она дополняется сделкой с военно-фашистской Японией. Троцкий обещает отдать ей Приморье и Примурье. Предатель Сокольников в беседе с иностранным послом подтверждал от имени троцкистского центра «серьезность» обещаний, данных Троцким японцам. Недаром так много раз за последние два года японская военщина пыталась прощупать штыком — кресла ли советская граница на Дальнем Востоке, не время ли оторвать кусок за куском те области, которые уступил Японии атаман бандитской шайки Троцкий. Наши герои — пограничники грудью защищали дальневосточные земли социалистической родины, за которые покушалась японская военщина. Раненые бойцы писали из лазарета товарищу Сталину: «Стиснув зубы, с беспредельной ненавистью к врагам человечества и поджигателям войны, мы дрались за каждый вершок советской земли». Теперь герои красноармейцы узнают, как Троцкий торговал их кровью, торговал защищаемой ими советской землей.

Не только отдельными территориями — всей страной торговали троцкистские изменники. По договору с германским фашизмом — об этом достаточно подробно рассказывал Радек — они обязались отдать германскому и японскому капиталу фабрики, заводы, шахты и рудники. Они отдавали германским капиталистам железную руду, марганец, нефть, золото, лес. Они продавали независимость страны, шли на превращение СССР в колонию фашистской Германии. Они торговали народами Советского Союза, как торгуют крепостными рабами.

Чувства жгучего негодования и ненависти охватывают трудящихся нашей страны, узнавших о том, как подло торговали троцкисты нашей землей, нашей свободой, нашей независимостью.

Мы горячо любим наше великое социалистическое отечество. Из края в край нашей страны звенит песня о том, что «родины мы любим, бережем, как ласковую мать». Над нашей матерью-родиной хотели надругаться троцкистские выродки.

Любовь к родине — это могучая сила, сплачивающая многонациональные республики Советского Союза. Нам дорога наша родина, каждый клочок ее земли. Нашим священным лозунгом, нашей социалистической заповедью являются слова товарища Сталина: «... своей землей, на одного вершка своей земли, не отдадим никому».

Торговать нашей родиной мы никому не позволим. Суровая рука советского правосудия беспощадно покажет водных троцкистских изменников социалистического отечества трудящихся всего мира.

Уничтожить очумелых фашистских псов

Теснее сплотимся вокруг партии и любимого Сталина

Рабочие и служащие Барнаульского межрайонного промлессоюза, слушатели курсов столярно-мебельного производства, счетные работники и председатели промхозов и промартелей системы промлессоюза и служащие Барнаульской промстрахиссы возмущены подлыми вредительскими действиями гнусных, трижды презренных мерзавцев, покорных холодов и агентов германского Гестапо — Пятакова, Радека, Сокольниковых и других.

Подлые гады просчитались и на этот раз. Они, очелюдно, забывли, что трудящиеся крепко сплочены вокруг своей родной коммунистической партии, советского правительства и любимого тов. Сталина. Все трудящиеся гордятся своей родиной и тем, что живут в сталинскую эпоху.

Мы призываем всех рабочих, колхозников, служащих, — всех, кому дороги заветы Ленина, завоевания Октября и Сталинская Конституция, — еще более

усилить бдительность на всех участках социалистического строительства. Мы требуем от Военной Коллегии Верховного Суда СССР полностью и до конца раскрыть все связи этих проклятых изменников и предателей нашей родины. Мы требуем беспощадно физического уничтожения — расстрела фашистских агентов.

В ответ на гнусную вылазку этих провокаторов, убийц, шпионов, диверсантов мы еще теснее сплотимся вокруг коммунистической партии и Советского правительства, вокруг вождя, учителя и друга всех трудящихся тов. Сталина.

Да здравствуют органы НКВД и их славный нарком тов. Ежов!

Да здравствует коммунистическая партия и величайший гений современности, наш вождь и учитель товарищ Сталин!

По поручению митинга: Румянцева, Иванова, Яценко, Санин, Серебряков, Крысин.

Всегда готовы защищать нашу родину

Заслушав обвинительное заключение по делу антисоветского троцкистского «параллельного центра», возглавляемого Радеком, Пятаковым, Сокольниковыми и Серебряковыми, мы, военнообязанные, собравшиеся на перучек в количестве 300 человек из сел Барнаульского района, требуем от суда расстрела троцкистских гадов.

Мы требуем раздвинуть, стереть с лица земли троцкистские мерзавцев, которые вели подлую разрушительную работу, провалялись фашистам. Эти смертельные враги народа хотели восстановить капитализм в нашей стране. По указке Троцкого

и заданию германских и японских фашистов они пытались отнять свободу, все что завоевано советским народом под руководством партии Ленина — Сталина.

Мы обязуемся выше поднять революционную бдительность, будем беспощадно разоблачать врагов народа, оголтелых троцкистов. По первому зову советского правительства, как один, станем на защиту своих границ, будем бить фашистов, защищать свободу, наши завоевания и жизнь нашего любимого, великого товарища Сталина.

По поручению митинга: Н. Цветков, Винокуров, Драчев.

Врагам народа нет места на нашей земле

Мне вспоминается 1918 год. В то время нашу молодую Страну Советов окружали интервенты, было так называемое нашествие 14 государств — Врангель, Юденич, Краснов, а у нас в Сибири зверствовал Колчак. Кровь лилась. Рабочий класс и бедняк-крестьяне героически дрались и отбоявляли каждый вершок своей земли.

Я еще был молод, но тоже пошел защищать рабоче-крестьянскую родину, поступая в ряды Красной гвардии. Народы нашей страны выгнали врагов с земли советской. Под руководством Ленина и Сталина мы крепко закрепили за построение социализма. Но как и в гражданской войне, во время восстановления народного хозяйства и сейчас нам мешают и мешают в нашей великой работе подлые из подлых — троцкисты и зиновьевцы.

Совсем недавно мы разгромили троцкистско-зиновьевский московский центр, слушали дело о троцкистской мрази, орудовавшей в Кемерово и вот сейчас вскрыт, «параллельный центр».

Антисоветские троцкистские прихвостники в составе Радека, Пятакова, Сокольниковых, Мураловой и других путем террора хотели уничтожить наших вождей, восстановить народное хозяйство, думали восстановить капитализм. Но просчитались ползу чие гады.

Я требую от Верховного Суда Союза Советских Социалистических Республик расстрелять и эту шайку бандитов. Врагам народа нет места на нашей земле. Уничтожай «параллельный центр», мы должны быть еще бдительнее, так как последние их живут. Утроить бдительность, особенно на производстве. Враги народа нутя любую цель, чтобы навредить нам. Мы, кондукторы барнаульского резерва, должны ответить на вылазку троцкистской мрази новым сталинским подъемом на железнодорожном транспорте. Кондукторский резерв сделаем стахановским.

Стахановец-орденоносец кондукторского резерва Шахторин.

Уничтожить трижды презренных агентов фашизма

СТАЛИНО, 24. На заводах, шахтах и станциях Дзержинской дороги выступавшие на многочисленных митингах рабочие с негодованием и презрением клеймят позором подлых предателей, изменников родины, шпионов, диверсантов и вредителей — Пятакова, Радека, Сокольниковых, Серебрякова и других мерзавцев, пойманных с поличным. Уничтожить трижды презренных троцкистов, агентов Гестапо — таково единодушное требование горячков, металлургов, транспортников и всех трудящихся Донбасса.

Стахановка Ворошиловградского завода Живилова заявила:

— Кровь стает в жилах, когда читаешь обвинительное заключение, разоблачающее злодеяных врагов советского народа, стремившихся отнять у нас счастья и радостную жизнь, вернуть нас к кошмарному гнету капитализма. Но она нас не устрашает. Мы будем грудью своей защищать страну великой Сталинской Конституции и неприступной стеной оградим из-

Беспощадно покарать изменников родины

Когда слушаешь и читаешь показания троцкистов, попадаешь как бы во власть кошмара, где старается все человеческое. Кража, шпионаж, измена, дерзкое посягательство на целостность территории СССР, кровавые покушения на руководителей партии и правительства, наконец, покушение на миллионы жизней советского народа.

Задуманная война против СССР при содействии троцкистов унесла бы миллионы цветущих молодых жизней, залила бы кровью и слезами народ, тот народ, который вступил в историю радостной жизни, который заявил всему миру о своей безграничной преданности вождям партии и правительства. Принимаем Сталинской Конституции народ ясно и точно определил свои обязанности к родине, проголосовал статьи, карающие за измену родине, этим народ сказал свое слово врагам — бывшим, настоящим и будущим.

Кто идет против воли народа, того должна покарать беспощадная рука правосудия.

Заслуженный деятель науки, профессор-орденоносец Н. БУРДЕНКО.

Расстрелять троцкистскую банду

Курсанты школы шоферов, в числе 320 человек, единодушно заявили, что троцкистских бандитов — агентов фашизма нужно уничтожить. В своем решении они пишут: «Мы просим Военную Коллегию Верховного Суда СССР к Пятакову, Радеку и другим применять высшую меру наказания — расстрел».

Мы готовы по первому зову рабоче-крестьянского правительства стать на защиту советской родины, не щадя своей жизни. Мы обязуемся учиться не ниже как на «хорошо» и, сдав испытание, быть лучшими водителями советской автомашины».

По поручению собрания: Бемева, Ангушев, Восев.

Нет пощады врагам народа

Мы, инженерно-технические работники союза строителей, заслушав сообщение о троцкистском «параллельном центре» в составе: Радека, Пятакова, Сокольниковых и др., выражаем свое негодование и презрение к врагам народа, которые по прямым указаниям Иуды Троцкого организовали диверсионно-вредительские акты, направленные на разрушение советских заводов, имеющих военно-оборонное значение.

Общее собрание инженерно-технических работников строителей просит Военную Коллегию Верховного Суда СССР вынести беспощадный приговор для врагов народа, изменников родины — расстрел.

По поручению собрания: Стаский, Шаров и Вагин.

Смерть изменникам родины

Коллектив учителей школ взрослых возмущен предательской работой остатков троцкизма — «параллельного центра», направленной к ослаблению обороной мощи нашей страны.

Мы, учителя, в ответ на вылазку классового врага еще гуще сплотим свои ряды вокруг партии Ленина — Сталина, усилив свою работу по борьбе с проклятыми классового врага, разъясняя в школе предагельскую работу Иудушки Троцкого.

Общее собрание учителей требует от пролетарского суда применить к изменникам родины высшую меру — расстрел. Нет им пощады!

По поручению коллектива: Корольков, Ожнева, Торопов, Калинина, Крикалеин, Киселев.

Полны гнева и ненависти и заклятым врагам

Многолюдные митинги прошли в цехах московского завода «Динамо» имени Кирова (Москва). Десятки и сотни рабочих, ознакомившись с материалами обвинительного заключения, в полных гнева речах, выражали свою ненависть к заклятым врагам и предателям родины, презренным троцкистам.

Беспощадно покарать изменников родины

Когда слушаешь и читаешь показания троцкистов, попадаешь как бы во власть кошмара, где старается все человеческое. Кража, шпионаж, измена, дерзкое посягательство на целостность территории СССР, кровавые покушения на руководителей партии и правительства, наконец, покушение на миллионы жизней советского народа.

Задуманная война против СССР при содействии троцкистов унесла бы миллионы цветущих молодых жизней, залила бы кровью и слезами народ, тот народ, который вступил в историю радостной жизни, который заявил всему миру о своей безграничной преданности вождям партии и правительства. Принимаем Сталинской Конституции народ ясно и точно определил свои обязанности к родине, проголосовал статьи, карающие за измену родине, этим народ сказал свое слово врагам — бывшим, настоящим и будущим.

Кто идет против воли народа, того должна покарать беспощадная рука правосудия.

Заслуженный деятель науки, профессор-орденоносец Н. БУРДЕНКО.

НА СНИМКЕ: бойцы правительственных войск отражают атаку фашистских мятежников на мадридском фронте. Фото Брашко (Сокофот).

Гражданская война в Испании

АТАКА РЕСПУБЛИКАНСКИХ ВОЙСК

ВАЛЕНСИЯ, 24. (Спецкорреспондент ТАСС). Вечером на рассвете в районе Андухар (провинция Хаэн) 20 бригад республиканских войск вывели атаковать позиции мятежников у деревни Лопера. Республиканцы заставили мятежников отступить на 4 километра и удерживались на занятых позициях.

районе Эаорно (к юго-востоку от Вальбао) артиллерия республиканцев успешно отбрасывает позиции мятежников.

На астурийском фронте республиканская артиллерия держит под сильным огнем позиции мятежников Пико Дель Арка (к северо-западу от Овиедо), продолжается также артиллерийский обстрел укрепленных позиций мятежников в самом Овиедо. Сегодня утром на Овиедо из стороны республиканцев перешло 5 солдат из частей мятежников с полным вооружением.

БИЛЬБАО, 24. (Спецкорреспондент ТАСС). Сегодня на всех участках баскского фронта продолжается активная ружейная и пулеметная перестрелка. В

СИЛЬНАЯ БОМБАРДИРОВКА МАДРИДА

МАДРИД, 24. По сообщению печати, вчера Мадрид подвергся сильнейшей со времени осады артиллерийской обстрелу. Артиллерийский обстрел городов Мадрида продолжался несколько часов.

Осада Мадрида с внешней мирот была прервана на полчаса. В здании телефонной станции разбито двадцать телефонов.

Республиканские войска отражали сильную атаку мятежников в южной секторе мадридского фронта. В секторах Монхао и Западного парка республиканские войска также дали отпор атакам мятежников и удерживали свои позиции путем контратаки.

Больше всего пострадал рабочий район Залькаса. Сильно повреждено здание телефонной станции. Спартаки повреждены провода, расчлененный шпиг и несколько комат.

Бегство солдат мятежников

МАДРИД, 24. Как сообщает «Кларификация», все более учащаются случаи бегства солдат мятежников из Испании Марокко через границу Французского Марокко. Так, из одной роты полка, расквартированного в Ре-

тайна, бежало 125 солдат. В полночь тапши командир полка послал другую роту, но, наткнувшись на бегство, продолжил артиллерийские к ним и вместе с ними прошли французскую границу.

Отбита ожесточенная атака

ПАРИЖ, 25. В сегодняшнем сообщении комитета обороны Мадрида говорится, что в районе Араухуса, между Куэста де ла Рейна и Сиемпосу-

досе, правительственные войска отбили ожесточенную атаку мятежников, поддержанную танками.

Сообщение комитета обороны Мадрида

ПАРИЖ, 25. Во вчерашнем сообщении комитета обороны Мадрида говорится, что в районе Араухуса мятежники развернули атаку на Буэста де ла

Рейна. Атака отбита. Артиллерия мятежников бомбардировала столицу и мост Сан-Фернандо.

НАВОДНЕНИЕ НЕБЫВАЛЫХ РАЗМЕРОВ

НЬЮ-Йорк, 24. Рокки Миссонитти и О'Гара с их отрядами, вытесненные из берегов на протяжении 2.400 километров, заняли огромную территорию в Средне-Западных штатах. Наводнение пельменное по размерам. Целиком затоплено несколько городов и частично некоторые крупные промышленные города. Без крова — 400 тысяч человек. Много жертв. Разрушены тысячи домов, город Принцвилл (штат Огайо) частично затоплен. Часть города горит. Пожар начавшийся со складов нефти, бензина и других горючих веществ. В Луизиане (штат Кентукки) без крова — 200 тысяч человек. Город без электрической энергии и питьевой воды. Наводнение усиливается; грозит оползнями. Много городов осталось без

электричества, питьевой воды, медицинского обслуживания. В некоторых местах нехватка продовольствия. Спасаются тысячи людей. В некоторых городах проносятся грабли. Во всей южной части штата Индиана объявлено военное положение. Города Принцвилл, Луизиана и другие охраняются войсками.

Особенно больших размеров наводнение достигло в штатах Западной Виржиния, Огайо, Пеннсулва, Теннесси, Индиана, Миссисипи, Миссури, Арканзас, Миссисипи, Луизиана и Пеннсулва. Руководит созданием совещание руководителей армии, флота и Красного Креста для обсуждения вопроса помощи затопленным районам.

ПРОЦЕСС АНТИСОВЕТСКОГО ТРОЦКИСТСКОГО ЦЕНТРА

Утреннее заседание 23 января

Допрос подсудимого Пятакова

Вышинский: Скажите, когда начался последний период вашей национальной троцкистской деятельности?

Пятаков: С 1931 года. Это последний период, не считая 1926—1927 годов.

Вышинский: В чем выразилась эта деятельность?

Пятаков: В 1931 году я был в служебной командировке в Берлине. Одновременно со мной было несколько троцкистов, в том числе Смирнов и Логина. Мы также сотрудничали с Мюллером. Был Шестов. В середине лета 1931 года в Берлине Смирнов и Логина сообщили мне о том, что сейчас возобладала о новой партии троцкистской борьбы против советского правительства и партийного руководства, что он — Смирнов — имеет влияние в Берлине с именем Троцкого — Соколов, который дал ему по поручению Троцкого новые установки, выраженные в том, что от методов борьбы надо отказаться, что основной метод борьбы, который надо применять, — это метод террора, как он тогда выразился, метод производства мероприятий советской власти.

Вышинский: О каком Смирнове вы говорите?

Пятаков: Известный троцкист Илья Викентьевич Смирнов.

Вышинский: Тот самый, который судился?

Пятаков: Да, тот самый, который впоследствии входил в объединенный антисоветский центр. В одну из встреч, когда у меня никого не было в кабинете, он перешел ко мне, что со мной очень хочет уединиться Смирнов. Я согласился на эту встречу. При встрече Смирнов мне сказал, что говорит о мной не от своего имени, а от имени своего отца — Л. Д. Троцкого. Смирнов сказал, что Троцкий ни на минуту не оставляет мысль о возобновлении борьбы против советского правительства, что было временно забыто, которое обещалось отменить и географическим передвижением самого Троцкого, но что эта борьба сейчас возобладала, о чем он, Троцкий, ставит меня в известность. Смирнов сказал также, что ему известно, что являюсь в Берлине, Бухарина и Рыжова окружил на словах, только временно притихли, что с ними надо установить необходимую связь.

После этого Смирнов мне заявил прямо: «Троцкий спрашивает, намерены ли вы, Пятаков, включиться в эту борьбу?» Я дал согласие.

Смирнов перешел к изложению сути основных методов борьбы: «развертываю в каждой бы то ни было форме массовой борьбы и организации массового движения не может быть речи, если мы пойдем на какую-нибудь массовую работу, то мы неизбежно превратимся; Троцкий твердо стоит на позиции насильственного свержения советского правительства методами террора и революции. Дальше Смирнов сказал, что Троцкий обращает внимание на то, что борьба в рамках одного государства бессмысленна, что отключается от международного вопроса или вообще международные вопросы.

Вышинский: Об этой встрече вы рассказываете кому-нибудь из своих соратников?

Пятаков: Да, я говорил Владимиру Логину, который был управлителем треста «Южст», Битяру, который работал в Берлине, Шестову, который был в той же комиссии по размещению заказов для уральской промышленности, моему соратнику, который являлся доверенным мне человеком — Москалеву.

Вышинский: Обвиняемый Шестов, вы слышали указания Пятакова?

Шестов: Да.

Вышинский: Передавал вам о своей беседе с Смирновым, Пятаков сотрудничал с Смирновым или же он изложил эту беседу фотографически?

Шестов: Безусловно, сотрудничал.

Вышинский (опять обращается к Пятакову): Когда вы рассказывали Шестову о своей беседе с Смирновым, вы приписали ли характер простой передачи или при этом выказывали свое отношение?

Пятаков: И о Шестовым и о Владимире Логиневым речь шла об осуществлении этой директивы.

Вышинский: Чем обещали, что вы так быстро дали согласие возобновить борьбу против партии и советского правительства?

Пятаков: Будет даваться, перейдет полностью или частично в руки Троцкого для его контрреволюционных целей.

Вышинский: Вы сделали, как советовал Смирнов?

Пятаков: Совершенно верно.

Вышинский: Расскажите, а чем же это выразилось?

Пятаков: Это делалось очень просто, тем более, что я руководил очень большим количеством и достаточно большим количеством заказов перешло в руки фирмы.

Как вышло из дальнейшего допроса, Пятаков использовал эту вторую встречу с Смирновым для уточнения некоторых вопросов.

Вышинский: Через Шестова вы получили что-нибудь от Смирнова?

Пятаков: Да, в декабре 1931 года я был в Москве. Шестов, возвратившись из Берлина, заявил ко мне в ВОНХ в служебный кабинет и передал письмо.

Вышинский: Это делалось очень просто, тем более, что я руководил очень большим количеством и достаточно большим количеством заказов перешло в руки фирмы.

Вышинский: Через Шестова вы получили что-нибудь от Смирнова?

Пятаков: Да, в декабре 1931 года я был в Москве. Шестов, возвратившись из Берлина, заявил ко мне в ВОНХ в служебный кабинет и передал письмо.

Вышинский: Шестов явился к вам по служебному делу?

Пятаков: Он явился, чтобы передать письмо Троцкого, поговорить еще раз о разрыве связи с троцкистской работой в Кривошеине.

Вышинский (обращаясь к подсудимому Шестову): Вы были у Пятакова?

Шестов: Да, был. Это было в ноябре 1931 года.

Вышинский: Вы передали письмо? От кого вы его получили?

Шестов: Я получил письмо от Смирнова в Берлине.

Вышинский: Что же вам Смирнов сказал?

Шестов: Он просто передал мне то, что он писал, а как мы тогда условились: пишу болевше.

Вышинский: Значит, вы получили не письмо, а бумажку?

Шестов: Да, но я знаю, что там было письмо. В каждом бумажке было сделано по письму. Он сказал, что на конвертах писем есть пометки. На одной стояла буква «Ш» — это значило для Пятакова, а на другой стояла буква «М» — это значило для Муромова.

Вышинский: Вы передали Пятакову письмо?

Шестов: Я передал ему письмо с пометкой «Ш».

Вышинский: А другое письмо?

Шестов: Другое письмо с пометкой «М» я передал Муромову.

Вышинский: Подсудимый Муромов вы получили письмо?

Муромов: Получил.

Вышинский: С бумажком или без бумажки? (В зале смех).

Муромов: Нет, он привез мне только письмо.

Вышинский: Что было на конверте?

Муромов: Буква «М».

Пятаков: Я получил письмо, которое выдало так, как сейчас передавал Шестов, вскрыл его и крайне удивился: я ожидал конверта Смирнова по которому я передал Муромову.

Вышинский: Подсудимый Муромов вы получили письмо?

Муромов: Нет, он привез мне только письмо.

Вышинский: Значит, письмо вы получили от Троцкого через Шестова?

Пятаков: Да.

Вышинский (обращаясь к Пятакову): Что же было в этом письме?

Пятаков: Письмо это, как сейчас помню, начиналось так: «Дорогой друг, я очень рад, что ты последовал моему призыву... Дальше говорилось, что стоит вернуться к делу, которое по своему характеру является делом государственной важности. Первая задача — это всеми средствами устранить Сталина с его ближайшими помощниками. Вторая, что под всеми средствами надо было понимать и первую очередь, насильственными средствами. В третьих, — о необходимости противодействовать всем мероприятиям советского правительства и партии, в особенности в области хозяйства.

Вышинский: После этого письма вы вскоре были еще раз за границей. В каком году?

Пятаков: В 1932 году. Это было во второй половине 1932 года и тогда же я встретился в третий раз с Смирновым.

Вышинский: Что вы делали в промежуток времени между излучением вами письма от Троцкого в 1931 году и вашим вторичным появлением в Берлине в 1932 году?

Пятаков: В это время я был занят восстановлением старых троцкистских связей. Я сосредоточился, главным образом, на Украине. Когда я разговаривал с Логинским в Берлине, мы с ним договорились относительно организации украинско-троцкистского центра. Связь с этим центром была моей основной задачей, если не считать восстановления связей с другими центрами.

Вышинский: Кто же считался международным центром?

Пятаков: Я уже сказал — Рабен в Софии.

Вышинский: О чем вы с ними договорились в 1932 году?

Пятаков: В 1932 году мы имели разговор с Рабеном. Он тогда сказал, что надо проводить методы борьбы, которые приняты Троцким и основным объединением троцкистско-антисоветским центром.

У нас являлось целью, чтобы, наряду с основными центрами в составе Намангана, Зинькина, Миченко, Бакаева, Смирнова, Ефимовича и других, ввести наш троцкистский параллельный центр, который будет играть роль запасного центра на случай провала основного, и в то же время будет самостоятельно вести практическую работу, согласно директиве и установкам Троцкого. Правда, особенно развилась

Вышинский: По какому поводу в 1931 году антикоммунисты выказались у вас, у заместителя председателя ВОНХ? Был в этом какой-нибудь деловой, служебный повод?

Пятаков: Нет, он привез, заявил непосредственно от меня получить подтверждение того, что ему передал Логинский. И выдала ему свои встречи с Смирновым и передала директивы Троцкого, о террористических методах борьбы, о вредительстве.

Вышинский: Обвиняемый Логинский, вы подтверждаете эту часть показания Пятакова о вашей встрече с ним?

Логинский: Да, подтверждает. И пришел в ВОНХ передать показания от Пятакова директивы, Пятаков мне рассказывал, что я и Логинский: что методы борьбы, которые проводились нами раньше, не дали никакого эффекта, что нужно идти на новые методы борьбы, то есть на террор и на разрушительную работу.

Вышинский (Пятакову): Итак, перейдем к вопросу о вашем втором приезде в Берлин.

Пятаков: Второй приезд в Берлин состоялся в середине 1932 года. Седьмой раз мой приезд в Берлин и решил со мной встретиться для того, чтобы получить, как он сказал, необходимую информацию для Троцкого.

Я рассказывал о работе троцкиста на Украине и в Западной Сибири, о связях с Шестовым, Н. И. Муромовым и Богуславским, который находился в то время в Западной Сибири.

Смирнов выразил крайнюю степень неудовольствия, но сказал, как он сказал, а террористический Троцкий тем, что дела идут крайне медленно и, в особенности, в отношении террористической деятельности. Он сказал: «Вы, мол, как-нибудь все организационно подготовьте и разложите, но ничего конкретного у вас нет». Он мне сказал также: «Вы знаете характер Льва Давидовича, он ревет и мечет, он горит желанием, чтобы его директивы быстрее были переведены в действительность, а из нашего сообщения ничего конкретного не вышло».

Вышинский: Дело вы разбирали во второй раз в Берлине?

Пятаков: Месяца полтора — два. Очень много было там и деловых встреч, с точки зрения образования высшего, в дальнейшем параллельного троцкистского центра, моя встреча с Каменевым. Каменев пришел ко мне в парижском отеле и предложил. Он очень четко и ясно сообщила мне об организации троцкистско-антисоветского центра. Как сказал Каменев, желательно иметь на случай провала основного центра запасной троцкистско-антисоветский центр. Он был упомянут официально за границей, мне, согласно да и на акселерации в этот центр.

Вышинский: Замыслил, как он выразился?

Пятаков: Западный. Я дал свое согласие Каменеву на установление в западном центре. Это было осенью 1932 года. В порядке информации Каменев сказал, что у них установилась теснейшая связь, не просто связь, а связь с правыми: с Бухариным, Томским, Рыжовым, и тут же сказал: «Так как вы, Юрий Лозинский, в очень хорошие отношения с Бухариным, не мешало бы вам с ним поддерживать соответствующий контакт. Это можно в дальнейшем и сделать».

Вышинский: Значит, вы этот контакт с Бухариным устанавливали?

Пятаков: Да, на мой вопрос: «Обстановка хорошая, как это мы установили связь с правыми?» Каменев прямо сказал, что это, вообще говоря, с моей стороны проводило извне, что внутренне разлагался на него могут развиваться, так как имеется единство цели: свержение советского правительства и отказ от построения социализма с соответствующим изменением экономической политики. В этом же разговоре Каменев сказал и по поводу «коммунистических отношений», что бы необходимо контактировать с правительством капиталистических государств как в области печати, и этот контакт надо детально поддерживать. Что касается деловой, то он сказал, что я, Пятаков, не «коммунистический» и тут Рабен и Соколовские больше поставили об этом в известность.

Вышинский: Что значило «бы не коммунистический»?

Пятаков: В троцкистских кругах и больше считался специалистом — хозяйственником, а не по международным вопросам.

Вышинский: Кто же считался международным центром?

Пятаков: Я уже сказал — Рабен в Софии.

У нас являлось целью, чтобы, наряду с основными центрами в составе Намангана, Зинькина, Миченко, Бакаева, Смирнова, Ефимовича и других, ввести наш троцкистский параллельный центр, который будет играть роль запасного центра на случай провала основного, и в то же время будет самостоятельно вести практическую работу, согласно директиве и установкам Троцкого. Правда, особенно развилась

в установках между нами и западными центрами в то время уже не было. Но тогда Рабен и я беспокоились о том, что при экономическом отступлении после свержения нами власти, экономическая часть была бы потеряна слишком далеко, а этому надо организовать известное противодействие.

Во всяком случае, мы тогда условились затронуть об этом Троцкого. Через некоторое время (это было уже в 1933 году) в одну из встреч со мной Рабен сообщил мне, что ответ от Троцкого не получен, что Троцкий удивительно остро выразил о свертывании полного единства и блока с западными, так как никаких расходов у нас с ними нет, расходы троцкистско-антисоветского центра платятся правыми. Что касается отступления, то Троцкий писал, что Рабен и я ошибались, думая, что отступление будет незначительным, — отступит придется очень далеко, и в этом отношении обещания были не только с западными, но и с правыми.

Что же касается превращения нашего центра в параллельный, то он сказал, что это будет удаваться, соборание сил и подготовка необходимых террористических и вредительских актов.

В конце 1933 года в Геграх я имел встречу с Сербинским. Тогда мы с ним условились, что я в основном веду работу по Украине и Западной Сибири, а параллельности, он берет Закавказье и Транскавказье.

С Соколовым я имел встречу значительно позже — в середине 1935 года, когда мы уже конкретно говорили относительно превращения центра в параллельный, поскольку к этому времени уже проводился расгром основного центра, члены которого во время арестов были в тюрьмах, Соколовым же было сказано, что пора начать действовать, так как после арестов было несколько случаев.

Вышинский: Следовательно, можно считать, что в 1933 году уже действует «параллельный центр»?

Пятаков: Да.

Вышинский: Почему по он и параллельный, что он действует одновременно с основным?

Пятаков: Да.

Вышинский: Обвиняемый Рабен, что вы можете сказать по этой части по показаниям Пятакова?

Рабен: Я подтвердил их полностью.

Вышинский: Вы обсуждали вопрос о том, чтобы затронуть Троцкого о «параллельном центре»?

Рабен: Да, мы этот вопрос рассматривали.

Вышинский: Расскажите об известной вам конкретной вредительской работе троцкистских организаций?

Пятаков: Вредительская работа была развернута на Украине, главным образом по линии сельскохозяйственной промышленности. Вновь строящиеся колхозные точки строились в исключительно неблагоприятных условиях, задерживались и почти не строились химическая часть на этих заводах, благодаря чему промышленные средства, которые вкладывались в колхозно-химическую промышленность, абсолютизировались. С другой стороны, нормализовались новые колхозы батеров.

Западно-Сибирский троцкистский центр вел активную вредительскую работу в уральской промышленности. Эту работу вели Шестов и его группа, главным образом, по линии создания подпольных в шахтах. На Кемеровском химическом комбинате совершился взрыв с исключительной силой, сорвались обвалы, срывались раскислялись все существующие обвалы, и таким образом, чрезвычайно осложнилась нахождение все время в процессе стройки.

Вышинский: Нарзин, Нарзин, Драбин — были в курсе этого дела?

Пятаков: Да, они были в курсе дела.

В курсе дела были, конечно, Муромов и Богуславский.

На Урале вредительская деятельность была сосредоточена в местной промышленности и на Уральском вагоностроительном заводе.

В местной промышленности дело сводилось к тому, чтобы прежде всего свертывать производственные возможности действующих химических заводов.

Вышинский: А кто персонально вредительскую работу вел?

Пятаков: В основном эту работу вел Колягаев — управлителем Уралорудобуды по директиве Троцкого, затем первоначально по своим директивам.

На заводском уровне Среднеуральской Среднеуральской промышленности Юмных, а затем Юмных велась вредительская работа, заключавшаяся в разрывании средств, повреждении до конца опрессовки, создании разрыва между химической и металлургическими частями производства, задержка стройки этих зданий.

На Уральском вагоностроительном заводе начались строительные процессы Мельников направил средства на легкое выполнение материалов, оборудования и прочего. Я думаю, что в начале 1936 года там находилась в оперативном состоянии материал на сумму в 50.

Вредительскую работу в химической промышленности проводил Рабабин.

В азотной промышленности вредительскую работу вел Рабабин и Пушилов при моем непосредственном участии. Здесь шла систематическая порча проекта, выполняемое специально созданными и тем самым затормаживая строительство.

Вышинский: Расскажите о вашей вредительской деятельности?

Пятаков: Собственно, все происходило по линии Украины и по моим, в частности, указаниям. Установка делалась, но я не могу конкретно сказать, что я давал указания промышленности именно такую-то и такую-то дирекцию.

Вышинский: А насчет Кемерово не было так?

Пятаков: Нет, это только касалось конкретно. Я подтвердил показания Нарзина и сейчас подтверждаю, что в соответствии с полученной мной установкой Троцкого, я сказал Нарзину, что когда наступит момент войны, очевидно, Кемерово нужно будет вывести тем или иным способом из строя.

Вышинский (обращаясь к Нарзину): Приемного разговор с Пятаковым относительно того, чтобы вывести Кемеровский комбинат из строя на случай войны.

Нарзин: Было сказано совершенно ясно, что нужно подготовиться к моменту войны выводу оборонных объектов из строя путем поджога и взрыва.

Вышинский: Шла ли речь о человеческих жертвах?

Нарзин: Такое указание было дано.

Вышинский: А насчет баранов был разговор?

Нарзин: В общем трудно воспроизвести данную формулировку, но она была речью в том смысле, что нечего спекулировать, ничего не надо жалеть.

Вышинский (к Пятакову): Были ли как-нибудь связаны члены вашей организации с иностранными разведками?

Пятаков: Да, были. Непосредственно с установками Троцкого для того, чтобы было ясно. Троцкий говорил, что без необходимой поддержки со стороны иностранных правительств вредительская работа не может ни прийти к власти, ни удержаться в власти. Поэтому речь идет о необходимости соответствующего предварительного соглашения с правительством иностранных государств, главным образом, Германией, Италией, Японией, и тем же, Троцкий, соответствующим шагом уже предпринимать.

Далее Пятаков показывает, что Троцкий выдвинул необходимость постоянной активности Соколовского в период тайных переговоров его с представителями одного иностранного государства. Во исполнение директивы Троцкого Рабен также имел такие указания: Соколовскому (Соколовский Пятакову, что он осуществлял переговоры с японцами и японцами, и что я, Троцкий, соответствующим шагом уже предпринимать.

Далее Пятаков показывает, что Троцкий выдвинул необходимость постоянной активности Соколовского в период тайных переговоров его с представителями одного иностранного государства. Во исполнение директивы Троцкого Рабен также имел такие указания: Соколовскому (Соколовский Пятакову, что он осуществлял переговоры с японцами и японцами, и что я, Троцкий, соответствующим шагом уже предпринимать.

Далее Пятаков показывает, что Троцкий выдвинул необходимость постоянной активности Соколовского в период тайных переговоров его с представителями одного иностранного государства. Во исполнение директивы Троцкого Рабен также имел такие указания: Соколовскому (Соколовский Пятакову, что он осуществлял переговоры с японцами и японцами, и что я, Троцкий, соответствующим шагом уже предпринимать.

Далее Пятаков показывает, что Троцкий выдвинул необходимость постоянной активности Соколовского в период тайных переговоров его с представителями одного иностранного государства. Во исполнение директивы Троцкого Рабен также имел такие указания: Соколовскому (Соколовский Пятакову, что он осуществлял переговоры с японцами и японцами, и что я, Троцкий, соответствующим шагом уже предпринимать.

Далее Пятаков показывает, что Троцкий выдвинул необходимость постоянной активности Соколовского в период тайных переговоров его с представителями одного иностранного государства. Во исполнение директивы Троцкого Рабен также имел такие указания: Соколовскому (Соколовский Пятакову, что он осуществлял переговоры с японцами и японцами, и что я, Троцкий, соответствующим шагом уже предпринимать.

Далее Пятаков показывает, что Троцкий выдвинул необходимость постоянной активности Соколовского в период тайных переговоров его с представителями одного иностранного государства. Во исполнение директивы Троцкого Рабен также имел такие указания: Соколовскому (Соколовский Пятакову, что он осуществлял переговоры с японцами и японцами, и что я, Троцкий, соответствующим шагом уже предпринимать.

Далее Пятаков показывает, что Троцкий выдвинул необходимость постоянной активности Соколовского в период тайных переговоров его с представителями одного иностранного государства. Во исполнение директивы Троцкого Рабен также имел такие указания: Соколовскому (Соколовский Пятакову, что он осуществлял переговоры с японцами и японцами, и что я, Троцкий, соответствующим шагом уже предпринимать.

Далее Пятаков показывает, что Троцкий выдвинул необходимость постоянной активности Соколовского в период тайных переговоров его с представителями одного иностранного государства. Во исполнение директивы Троцкого Рабен также имел такие указания: Соколовскому (Соколовский Пятакову, что он осуществлял переговоры с японцами и японцами, и что я, Троцкий, соответствующим шагом уже предпринимать.

Далее Пятаков показывает, что Троцкий выдвинул необходимость постоянной активности Соколовского в период тайных переговоров его с представителями одного иностранного государства. Во исполнение директивы Троцкого Рабен также имел такие указания: Соколовскому (Соколовский Пятакову, что он осуществлял переговоры с японцами и японцами, и что я, Троцкий, соответствующим шагом уже предпринимать.

Далее Пятаков показывает, что Троцкий выдвинул необходимость постоянной активности Соколовского в период тайных переговоров его с представителями одного иностранного государства. Во исполнение директивы Троцкого Рабен также имел такие указания: Соколовскому (Соколовский Пятакову, что он осуществлял переговоры с японцами и японцами, и что я, Троцкий, соответствующим шагом уже предпринимать.

Далее Пятаков показывает, что Троцкий выдвинул необходимость постоянной активности Соколовского в период тайных переговоров его с представителями одного иностранного государства. Во исполнение директивы Троцкого Рабен также имел такие указания: Соколовскому (Соколовский Пятакову, что он осуществлял переговоры с японцами и японцами, и что я, Троцкий, соответствующим шагом уже предпринимать.

Далее Пятаков показывает, что Троцкий выдвинул необходимость постоянной активности Соколовского в период тайных переговоров его с представителями одного иностранного государства. Во исполнение директивы Троцкого Рабен также имел такие указания: Соколовскому (Соколовский Пятакову, что он осуществлял переговоры с японцами и японцами, и что я, Троцкий, соответствующим шагом уже предпринимать.

Далее Пятаков показывает, что Троцкий выдвинул необходимость постоянной активности Соколовского в период тайных переговоров его с представителями одного иностранного государства. Во исполнение директивы Троцкого Рабен также имел такие указания: Соколовскому (Соколовский Пятакову, что он осуществлял переговоры с японцами и японцами, и что я, Троцкий, соответствующим шагом уже предпринимать.

Далее Пятаков показывает, что Троцкий выдвинул необходимость постоянной активности Соколовского в период тайных переговоров его с представителями одного иностранного государства. Во исполнение директивы Троцкого Рабен также имел такие указания: Соколовскому (Соколовский Пятакову, что он осуществлял переговоры с японцами и японцами, и что я, Троцкий, соответствующим шагом уже предпринимать.

Далее Пятаков показывает, что Троцкий выдвинул необходимость постоянной активности Соколовского в период тайных переговоров его с представителями одного иностранного государства. Во исполнение директивы Троцкого Рабен также имел такие указания: Соколовскому (Соколовский Пятакову, что он осуществлял переговоры с японцами и японцами, и что я, Троцкий, соответствующим шагом уже предпринимать.

Далее Пятаков показывает, что Троцкий выдвинул необходимость постоянной активности Соколовского в период тайных переговоров его с представителями одного иностранного государства. Во исполнение директивы Троцкого Рабен также имел такие указания: Соколовскому (Соколовский Пятакову, что он осуществлял переговоры с японцами и японцами, и что я, Троцкий, соответствующим шагом уже предпринимать.

Далее Пятаков показывает, что Троцкий выдвинул необходимость постоянной активности Соколовского в период тайных переговоров его с представителями одного иностранного государства. Во исполнение директивы Троцкого Рабен также имел такие указания: Соколовскому (Соколовский Пятакову, что он осуществлял переговоры с японцами и японцами, и что я, Троцкий, соответствующим шагом уже предпринимать.

Далее Пятаков показывает, что Троцкий выдвинул необходимость постоянной активности Соколовского в период тайных переговоров его с представителями одного иностранного государства. Во исполнение директивы Троцкого Рабен также имел такие указания: Соколовскому (Соколовский Пятакову, что он осуществлял переговоры с японцами и японцами, и что я, Троцкий, соответствующим шагом уже предпринимать.

Далее Пятаков показывает, что Троцкий выдвинул необходимость постоянной активности Соколовского в период тайных переговоров его с представителями одного иностранного государства. Во исполнение директивы Троцкого Рабен также имел такие указания: Соколовскому (Соколовский Пятакову, что он осуществлял переговоры с японцами и японцами, и что я, Троцкий, соответствующим шагом уже предпринимать.

Далее Пятаков показывает, что Троцкий выдвинул необходимость постоянной активности Соколовского в период тайных переговоров его с представителями одного иностранного государства. Во исполнение директивы Троцкого Рабен также имел такие указания: Соколовскому (Соколовский Пятакову, что он осуществлял переговоры с японцами и японцами, и что я, Троцкий, соответствующим шагом уже предпринимать.

Далее Пятаков показывает, что Троцкий выдвинул необходимость постоянной активности Соколовского в период тайных переговоров его с представителями одного иностранного государства. Во исполнение директивы Троцкого Рабен также имел такие указания: Соколовскому (Соколовский Пятакову, что он осуществлял переговоры с японцами и японцами, и что я, Троцкий, соответствующим шагом уже предпринимать.

Далее Пятаков показывает, что Троцкий выдвинул необходимость постоянной активности Соколовского в период тайных переговоров его с представителями одного иностранного государства. Во исполнение директивы Троцкого Рабен также имел такие указания: Соколовскому (Соколовский Пятакову, что он осуществлял переговоры с японцами и японцами, и что я, Троцкий, соответствующим шагом уже предпринимать.

Далее Пятаков показывает, что Троцкий выдвинул необходимость постоянной активности Соколовского в период тайных переговоров его с представителями одного иностранного государства. Во исполнение директивы Троцкого Рабен также имел такие указания: Соколовскому (Соколовский Пятакову, что он осуществлял переговоры с японцами и японцами, и что я, Троцкий, соответствующим шагом уже предпринимать.

Далее Пятаков показывает, что Троцкий выдвинул необходимость постоянной активности Соколовского в период тайных переговоров его с представителями одного иностранного государства. Во исполнение директивы Троцкого Рабен также имел такие указания: Соколовскому (Соколовский Пятакову, что он осуществлял переговоры с японцами и японцами

ПРОЦЕСС АНТИСОВЕТСКОГО ТРОЦКИСТСКОГО ЦЕНТРА

(Продолжение. Начало на 2 стр.)

Вопрос: В Западной Сибири была ли группа покушения на Мостовых, на Урадзе — на Косиора и Лопышева. На Урадзе были разговоры с политбюро о переброске украинских троцкистских террористических кадров в Москву.

Вышинский: Для какой цели в Москву перебросить?

Питанов: Для овершения террористических актов.

Вышинский: Против кого?

Питанов: Против руководителей партии и правительства: Сталина, Маленкова, Кагановича, Ворошилова, Орджоникидзе. Речь шла о более или менее одновременном совершении террористических актов. Троцкий на этом особенно сильно настаивал.

Вышинский: Речь шла также и относительно Закавказья?

Питанов: Да, речь шла и относительно закавказских террористов. Серебряков говорил с Миняйни о том, чтобы в случае необходимости перебросить в Москву закавказских троцкистских террористов.

Вышинский (к Серебрякову): Вы подтверждаете это показание Питанова?

Серебряков: Да, что арестован террористический акт на Енисее.

Вышинский (к Питанову): Кто действовал по поручению под вашим руководством в Москве?

Питанов: В Москве непосредственно под моим руководством действовала группа Юлиана, куда входили Анополь, Домуцаев, Колосов.

Вышинский: Что она означала своей задачей?

Питанов: Убийство Сталина и Кагановича.

Допрос свидетеля Бухарцева

Председательствующий т. Урих (обращаясь к свидетелю Бухарцеву): Вы Бухарцев, Дмитрий Павлович?

Бухарцев: Да.

Председательствующий: Ваша должность в последнее время и раньше?

Бухарцев: Корреспондент «Известий» в Берлине.

Председательствующий: Вы знакомы в качестве свидетеля по делу Питанова, Радека и других. Обязуетесь давать правдивые показания.

Товарищ Вышинский, поскольку свидетель Бухарцев вызван по вашей просьбе, пожалуйста, представляйте вопросы.

Вышинский: Секретарь Бухарцев, вы знакомы с Радеком?

Бухарцев: Я знаком с ним, примерно с 1924 года.

Вышинский: Вы знакомы также и с Питановым?

Бухарцев: С Питановым я познакомился в 1935 году.

Далее свидетель Бухарцев показывал, как он организовал встречу Питанова с доверенным лицом Л. Троцкого

новича.

Вышинский: Вы непосредственно этим руководили?

Питанов: Да, непосредственно, как член центра.

Вышинский: Что это было?

Питанов: Это же был известный террористический пушпа, которые были составлены с Сокольниковым, с Радеком. Одна группа Закавказья и Тивали, связанная с Сокольниковым, и другая группа — Пригонова, которая была связана с Радеком.

Кроме того, мы все время пропагандизировали Дрейфера сюда, так как там было известно, что у него есть террористические связи.

Вышинский: Вы относительно Дрейфера с кем-нибудь разговаривали?

Питанов: Я разговаривал с Радеком. Вышинский (к Радеку): Скажите, был у вас разговор относительно Дрейфера?

Радек: В июле 1935 года был разговор. Когда мы в первый раз собрались после убийства Кирова, то встал вопрос о том, что бессмысленно убивать евреина. Это не даст никакого политического результата, а даст лишь разгром организации. Надо поэтому выяснить точно, есть ли силы для серьезных действий или нет этих сил?

Вышинский: Так а вы поминали: как вы убивали товарища Кирова, а надо еще убить других?

Радек: Нет, но отказываясь от террора нам протопуть к серьезной организации террористических актов, что составляло бы вопрос о дальнейшей деятельности и власти.

Вышинский: Было ли у вас письмо от него. Я хочу вызвать для допроса свидетеля Бухарцева.

Радек: У меня было три письма Троцкого: в апреле 1934 года, в декабре 1935 года и в январе 1936 года.

В письме от 1934 года Троцкий ставил вопрос так: приход к власти фашизма в Германии коренным образом меняет всю обстановку. Он означает войну в ближайшей перспективе, войну неизбежную, Троцкий не сомневается, что эта война приведет к поражению Советского Союза. Это поражение, писал он, создаст реальную обстановку для прихода к власти блока, и из этого он делал вывод, что блок заинтересован в обострении столкновения. Троцкий указывал в этом письме, что он установил контакт с некими Дальне-Восточными и ниними Средне-Восточными государствами, и у него официальные кругам этих государств открыто сказал, что блок стоит на почве сделки с ними и готов на значительные уступки и экономического, и территориального характера. Он требовал в письме, чтобы нам в Москве использовали возможность для подтверждения представителям соответствующих государств нашего согласия с этими его шагами.

Через Ромаша, который в мае уезжал за границу, я послал Троцкому письмо, в котором сообщал о получении его директивы и о том, что мы между собой договорились не выходить в наших шагах дальше заворачиваяния его мандата на переговоры с иностранными государствами. Кроме того, я добавил: не только мы официально, как центр, но я лично одобряю то, что он идет контактами с иностранными государствами.

Вышинский: Это было в мае 1934 года?

Радек: Это было в мае 1934 г. Осенью 1934 года на одном дипломатическом приеме известный мне дипломатический представитель Средне-Восточной державы присел ко мне и начал разговор. Он сказал: «Ваши руководители (он-то сказал конкретнее) знают, что господин Троцкий стремится к сближению с Германией. Наш вояжд спрашивает, что означает эта мысль господина Троцкого? Может быть, это мысль эмигранта, когда ему не снится? Кто стоит за этими мыслями?»

Ясно было, что меня спрашивали об отношении блока. Я сказал ему, что реальные политики СССР понимают значение германо-советского сближения и готовы пойти на уступки, необходимые для этого сближения. Этот представитель понял, что раз я говорил о реальных политиках, значит есть в СССР реальные политики и нервные политики; нервные—это советское правительство, а реальные—это троцкистско-зиновьевский блок. И понятен был смысл того, что я сказал: если блок придет к власти, он пойдет на уступки для сближения с вашим правительством и со страной, которую оно представляет. Давая этот ответ, я понял, что совершаю акт, недопустимый для гражданина Советского Союза.

Вышинский: Между апрелем и ноябрем 1934 года были у вас на темы, связанные с этим письмом Троцкого, разговоры с другими членами центра?

Радек: Я информировал об этом Пятакова, Сокольниковую, Серебрякова.

Вышинский: Какие вопросы стояли в письме?

Радек: Победа фашизма в Германии, усиление японской агрессии, неизбежность войны этих государств против СССР, неизбежность поражения СССР, необходимость для блока, если он придет к власти, идти на уступки.

Вышинский: Значит, вы были заинтересованы в ускорении войны и заинтересованы в том, чтобы в этой войне СССР пришел к поражению?

Радек: Мы были заинтересованы в поражении.

Пятаков, Сокольников и Серебряков на вопрос государственного обвинителя об их отношении к поражению отреагировали, что они разделяли позицию поражения.

Вышинский (к Радеку): Вы сказали, что было и второе письмо в декабре 1935 года. Расскажите о нем.

Радек: Если до этого времени Троцкий там, а мы здесь, в Москве, говорили об экономическом отсталости на базе советского, государства, то в этом письме намечался коренной поворот. Ибо, во-первых, Троцкий считал, что результатом поражения явится неизбежность территориальных уступок и называл определенно Украину. Во-вторых, дело шло о разделе СССР. В-третьих, с точки зрения экономической он предрекал следующие последствия поражения: отдала не только в концессию важным для империалистических государств объектам промышленности, но и передача, продажа в частную собственность капиталистическим элементам важных экономических объектов, которые они наметят. Троцкий предрекал обанкротение займы, т.-е. допущение иностранного капитала к эксплуатации тех заводов, которые формально останутся в руках советского государства.

В области аграрной политики он совершенно ясно ставил вопрос о том, что колхозам надо будет распустили, и выдвигал мысль о предоставлении тракторов и других сложных с.х. машин единичникам для возрождения нового кулацкого слоя. Наконец, совершенно открыто ставился вопрос о необходимости возрождения частного капитала в городе. Ясно было, что шла речь о реставрации капитализма.

В области политической новой в этом письме была постановка вопроса о власти. В письме Троцкий сказал: ни о какой демократии речи быть не может, Рабочий класс прожил 18 лет революции, и у него аппетит громадный, а этого рабочего нава будет вернуть частью на частные фабрики, частью на государственные фабрики, которые будут находиться в состоянии тяжелой конкуренции с иностранным капиталом. Значит—будет крутое ухудшение положения рабочего класса. В деревне возобновится борьба бедноты и середняка против кулачества. И тогда, чтобы удержаться, нужна крепкая власть, независимо от того, какими формами это будет прикрыто. Если хотите аналогий исторических, то это будет аналогия с властью Наполеона I, «это будет бонапартистская власть». «Продумайте эту аналогию», писал Троцкий. Он отдавал себе отчет в том, что хозяйном положении, благодаря которому блок может прийти к власти, будет фашизм, с одной стороны германский фашизм и военный фашизм другой дальнейшей восточной страны.

А новым в практических выводах было то, что придется согласовать специально эту деятельность, касавшуюся вредительства, с тем партнером, при помощи которого блок только и может прийти к власти.

Было еще одно очень важное в этой директиве, а именно—формулировка, что неизбежно выравнивание социального строя СССР с фашистскими странами — победителями, если мы вообще хотим удержаться. Вот эта идея выравнивания, которая была севедомом реставрации капитализма, и была тем специфическим новым, что брошено сразу нам в глаза.

Вышинский: Значит, если коротко суммировать содержание этого письма, то к чему сводятся основные пункты?

Радек: Мы остаались на пози-

ции 1934 года, что поражение неизбежно.

Вышинский: И какой отсюда вывод?

Радек: Вывод из этого неизбежного поражения тот, что теперь открыто был поставлен перед нами вопрос о реставрации капитализма.

Вышинский: Значит, эта реставрация капитализма, которую Троцкий называл выравниванием социального строя СССР с другими капиталистическими странами, мыслилась как неизбежный результат соглашения с иностранными государствами?

Радек: Как неизбежный результат поражения СССР, его социальных последствий и соглашения на основе этого поражения.

Вышинский: Дальше?

Радек: Третье условие было самым новым для нас — поставить на место советской власти то, что он называл бонапартистской властью. А для нас было ясно, что это есть фашизм без собственного финансового капитала, служащий чуждому финансовому капиталу.

Вышинский: Четвертое условие?

Радек: Четвертое—раздел страны. Германия намечено отдать Украину; Приморье и Приамурье—Японии.

Вышинский: Насчет каких-нибудь других экономических уступок говорилось тогда?

Радек: Да, были углубления, те решения, о которых я уже говорил. Уплата контрибуции в виде растущих на долгие годы поставок продовольствия, сырья и жиров. Затем — сначала он сказал это без цифр, а после более определенно — известный процент обеспечения победившими странами участия в советской импорте. Все это в совокупности означало полное зачленение страны.

Вышинский: О сахалинской нефти шла речь?

Радек: Насчет Японии говорилось, надо не только дать ей сахалинскую нефть, но обеспечить ее нефтью на случай войны с Соединенными Штатами Америки. Указывалось на необходимость не делать никаких омов к завоеванию Китая японским империализмом.

Вышинский: А насчет придурнайских стран?

Радек: О придурнайских и балканских странах Троцкий в письме говорил, что идет акция немского фашизма и мы не должны ничем мешать этому факту. Дело шло, вероятно, о прекращении всяких наших отношений с Чехословакией, которые были бы защитой для этой страны.

Вышинский: В этом письме содержались указания о необходимости расширения и активизации вредительской, террористической, диверсионной деятельности?

Радек: Эта деятельность увязывалась со всей программой и на нее указывалось, как на один из самых важных рычагов прихода к власти. В связи с войной говорилось о необходимости разложения троцкистами армии.

Вышинский: А насчет оборонной промышленности не говорилось?

Радек: Говорилось специально. Диверсионная деятельность троцкистов в военной промышленности должна быть согласована с теми партнерами, с которыми уластся заключить соглашение, т.-е. со штабами соответствующих иностранных государств.

Вышинский: Не было ли речи относительно железнодорожного транспорта?

Радек: Для транспорта не могло быть исключено.

Государственный обвинитель высказывал отношение подсудимого к письму Троцкого в декабре 1935 г. и директивам, привезенным Пятаковым от Троцкого.

Вышинский: Пятаков говорил вам о своей поездке в Осло?

Радек: Поезда Пятакова была результатом нашего совещания.

Мы пришли к убеждению, что я должен использовать лежащее у меня троцкистское приглашение для поездки в Осло с докладом студентству. Если бы Пятаков не имел командировки, я, имея это разрешение, поехал бы с этим докладом в Осло, чтобы, безусловно, повидать Троцкого.

Вышинский: Так что намечалась ваша поездка за границу?

Радек: Или моч, или Пятакова. И это было в тот момент, который для нас всех внутренне означал: пришли к барьеру.

Прерывали ли вы деятельность после того, как получили директивы? Нет. Машина крутилась и дальше.

Вышинский: Вывод какой?

Радек: По этому поводу реставрация капитализма в обстановке 1935 года. Просто—два здорово живешь, для прекрасных глаз Троцкого — страна должна возвращаться к капитализму. Когда я это читал, я ощущаю это как дом сумасшедших; наконец, немаловажный факт: раньше стоял вопрос так, что мы деремся за власть потому, что мы убеждены, что сможем что-то обеспечить стране.

Теперь мы должны бороться за то, чтобы здесь господствовал иностранный капитал, который нас приберет к рукам раньше, чем даст нам власть. Директива Троцкого о согласовании вредительства с иностранными органами означала, что в нашу организацию вклинивается резидентура иностранных держав. Мы перестали быть в малейшей мере хозяевами своих шагов.

Вышинский: Что вы решили?

Радек: Первый ход это было идти в ЦК партии, сделать заявление, назвать всех лиц. Я на это не пошел.

Не я пошел в ГПУ, а за мной пришло ГПУ.

Вышинский: Ответ красноречивый!

Радек: Ответ грустный.

Вышинский: В 1934 году вы были за поражение?

Радек: Я считал поражение неизбежным.

Вышинский: В 1934 году вы считали поражение неизбежным. В силу чего?

Радек: Считаю, что страна не сумеет защищаться.

Вышинский: Значит, вы считали, что она слаба?

Радек: Да.

Вышинский: Значит, исходя из предполагаемой слабости страны, вы принимали поражение?

Радек: Считаю неизбежным, приняв.

Вышинский: А в 1935 г. видите, что страна сильна и это не оправдывается?

Радек: Что поражение не оправдывается, а что его не будет, что это ирреальная программа, поэтому я был против программы, которая базируется на неральных основах.

Вышинский: Вы говорили, что такая постановка вопроса, которая была дана Троцким в декабре 1935 года в разговоре с Пятаковым и в письме, означала предложение об измене родине.

Радек: Да.

Вышинский: Вы признаете, что факт беседы с господином ... в ноябре 1934 г. это есть измена родине?

Радек: Я сознавал это в момент разговора и квалифицирую это теперь, как и тогда.

Вышинский: Как измену?

Радек: Да.

Вышинский: Чем можно доказать, что действительно после получения в декабре 1935 года письма от Троцкого и после разговора с Пятаковым вы не приняли тех установок, которые целиком и безоговорочно до того принимали? Есть у вас такие факты?

Радек: Нет.

Вышинский: У меня вопросов больше нет.

Объявляется перерыв до шести часов вечера.

Утреннее заседание 24 января

Допрос подсудимого Радека

Из показаний Радека выясняется, что в партию он вернулся дружинником и вскоре после возвращения из ссылки восстановил свои троцкистские связи и во коренным вопросам политики продолжал придерживаться троцкистских взглядов.

Вышинский: С кем из троцкистов вы сохранили связь?

Радек: Я был связан дружбой с Мрачковским, был связан старой дружбой с И. И. Смирновым, связан с Дрейфером, с его ближайшим помощником Гаевским, не говоря уже о моих старых личных друзьях, с которыми я был связан, — с Пятаковым, Преображенским, Синиловым, Серебряковым.

Вышинский: Это было в 1930—31 году?

Радек: Да, это было в 1930 и 1931 году. Уже тогда, в 1931 году я переосмыслил силу сопротивления кулачества, испугался затруднения и стал, таким образом, отражением враждебных предвзятости сил.

Вышинский: Когда вы узнали о существовании и деятельности объединенного центра?

Радек: Я узнал о возникновении его в ноябре 1932 года.

Вышинский: От кого?

Радек: Предварительно о том, что готовится, я узнал из письма Троцкого ко мне в феврале—марте 1932 года. О самом факте возникновения организации я узнал от Мрачковского в ноябре 1932 года.

Вышинский: Что же Троцкий вам тогда писал?

Радек: Троцкий, примерно, говорил: «вы должны учесть опыт предыдущего периода и понимать, что нет у вас возврата к старому, что борьба вошла в новый фазис и что новое в этом фазисе состоит в том, что нам будет уни чуждыми сознание с Советским Союзом, или надо поставить вопрос об устранении руководства». Слово террор не было брошено, но когда я прочел «устранение руководства», то мне стало ясно, о чем Троцкий думает.

Вышинский: Как вы приняли это письмо?

Радек: Приблизительно к концу сентября или октября 1932 г. я принял решение о возобновлении пути борьбы. Произошел разговор между мною и Мрачковским, которому я сказал: «я решил идти с вами совместно». В свою очередь, я спросил его, как они себе представляют борьбу и как

далеко продвинулось дело сближения с зиновьевцами.

Вышинский: Что вам ответил Мрачковский?

Радек: Он ответил совершенно определенно, что борьба вошла в террористическую фазу и для реализации этой тактики мы теперь объединились с зиновьевцами и возмемся за подготовительную работу.

Как показывает затем Радек, Мрачковский сказал ему, что на случай провала объединенный центр хочет сохранить Радека, Пятакова, Серебрякова для руководства в дальнейшем антисоветской борьбе.

Далее Радек признает, что ему задавало до убийства Кирова было известно со стороны зиновьевцев. Также же покушение готовили и троцкисты, при чем здесь виднейшую роль играл сам Радек, выдвигавший для организации террористической группы в Ленинграде Пригонова. Знал он и о том, что общее руководство террористической деятельностью у зиновьевцев осуществлял Бакаев, как Мрачковский — в организации троцкистов, а в Москве руководил Рейнгольд.

Вышинский: Что вам известно о террористической деятельности других групп?

Радек: Я знал в 1934 году о формировании группы под руководством Фрилянда. Заместителем Дрейфера Главский меня известил, что формируется группа серьезных людей, что она теперь не будет действовать, а то будет резерв на случай провала. Пятаков сказал о том, что украинский центр—он назвал Коцюбинского, Гелубиню и, кажется, Логина—формирует террористическую группу, которая будет действовать против руководителей коммунистической партии и советского правительства Украины.

Что касается Сибирской группы, то Пятаков мне сказал, что она там формируется; как будто называя при этом фамилию Мурадова.

Кроме того, он говорил, что в Туре возникла или возникнет какая-то террористическая группа...

Вышинский: Пятаков называл вам фамилию?

Радек: Он не назвал фамилии руководителей, но сказал, что эта группа связана с Дитяевой. Кроме того, мне значительно позже, в 1935 году, было известно о формировании белоборцовым груп-

пы в Ростове-на-Дону. Было также известно, что Манаев сформировал группу. В 1935 году я узнал о зиновьевской группе, это была группа Зака-Гадяева, с которой был связан в Москве мой соратник Тивали.

Вышинский: Какие вы можете назвать конкретные факты о связях с группой правых?

Радек: У меня была связь только с Бухаринным. Товарища я видел только в 1933 г., когда он говорил в очень острой форме о внутрипартийном доверии.

Вышинский: Какие у вас были разговоры с Бухаринным?

Радек: Если это касается разговора о терроре, то могу перечислить конкретно. Первый разговор был в июне или июле 1934 г. после перехода Бухарина для работы в редакцию «Известий». В это время мы с ним заговорили как члены двух контактирующих центров. Я его спросил: «Вы встали на террористический путь?» Он сказал: «Да». Когда я его спросил, кто руководит этим делом, то он сказал об Угланова и назвал себя, Бухарина. Во время разговора он мне сказал, что надо готовить кадры из академической молодежи. Технические и всекие другие конкретные вещи не были предметом разговора с нашей стороны. Мрачковский в встрече пытался поставить этот вопрос Бухарину, но Бухарин ему ответил: «Когда тебя назначат командующим всеми террористическими организациями, тогда тебе все на стол выложим».

Вышинский: Дальше какие у вас были разговоры?

Радек: Дальнейшие наши разговоры касались политиче-ских последствий убийства Кирова. Мы пришли к убеждению, что это убийство не дало тех результатов, которых от него могли ждать организаторы убийства. Оно не оповдало себя, не было ударом по ЦК, не вызвало сочувствия в народных массах, как рассчитывали троцкисты-зиновьевцы, а наоборот, дало объединение народных масс вокруг ЦК, оно привело к аресту большого количества зиновьевцев и троцкистов. Мы уже тогда сказали себе: или этот акт, как результат тактики единичного террора, требует окончания террористической акции, или он требует идти вперед к групповому террористическому акту. Бухарин мне сообщил, что у них в центре многие думают,

Вечернее заседание 24 января

Допрос свидетеля Ромма

Суд переходит к допросу свидетеля Ромма, бывшего корреспондентом советской печати за границей и давнишнего личного друга Радека.

Вышинский: Вы были в Женеве?

Ромм: Да, я был корреспондентом ТАСС в Женеве с 1930 г. по 1934 г.

Вышинский: В Женеве вам приходилось встречаться с Радеком?

Ромм: Да, весной 1932 года. Когда Радек приехал в Женеву, я передал ему письмо Троцкого, которое получил от Селева незадолго перед тем в Париже.

Вышинский: Что же вам сообщил Радек о содержании этого письма?

Ромм: Что оно содержит директиву об объединении с зиновьевцами, о переходе к террористическому методу борьбы против руководства ВКП(б), в первую очередь—против Сталина и Ворошилова.

Далее свидетель Ромм показывает, что осенью 1932 года, будучи в Москве, он получил от Радека письмо к Троцкому, которое поводом через Берлин послал по-

ранее обусловленному Седовым адресу. Письмо это было заделано в корешок одной немецкой книги.

Вышинский: Когда была ваша следующая встреча с Седовым?

Ромм: В июле 1933 года, в Париже. Седов сказал, что хочет устроить мне встречу с Троцким. Через несколько дней он мне позвонил, и мы встретились в Булонском лесу, где встретились с Троцким.

Вышинский: Для чего же Троцкий встретился с вами?

Ромм: Чтобы подтвердить устно те указания, которые я в письме вел в Москву. Разговор он начал с вопроса о создании параллельного центра. Он сказал, что опасность преобладания зиновьевцев велика, и она будет велика лишь в том случае, если троцкисты не проявят должной активности. С идеей параллельного центра он согласен, но при неременном условии сохранения блока с зиновьевцами и далее при условии, что этот параллельный центр не будет бездействующим, а будет активно работать, собирая вокруг

себя наиболее стойкие кадры. Затем он перешел к вопросу о том, что в данный момент особое значение приобретает не только террор, но и вредительская деятельность в промышленности и в народном хозяйстве вообще. Он сказал, что в этом вопросе, видимо, есть еще колебания, но надо понять, что человеческие жертвы при вредительских актах неизбежны и что основная цель—это через ряд вредительских актов подорвать доверие к сталинской пятлетке, к новой технике и тем самым к партийному руководству. Крайнева необходимость самых крайних средств, он придирировал латинские изречение, которое говорит: «Что не излечивает лекарство, то излечивает железо, то излечивает огонь». Я, помню, задал недоуменный вопрос о том, что это же будет подорвать обороноспособность страны, в то время как сейчас, с приходом Гитлера к власти, опасность войны, в частности опасность нападения на СССР со стороны Германии, ста-

(Продолжение на 4-й стр.)

ПРОЦЕСС АНТИСОВЕТСКОГО ТРОЦКИСТСКОГО ЦЕНТРА

(Продолж. Началу на 2 и 3 стр.)

новятся особенно актуальной. На этот вопрос я развернутого ответа не получил, но была брошена Троцким мысль о том, что именно обострение военной опасности может поставить на очередь вопрос о поражестве.

Затем он передал мне книгу — роман Новикова — Прибова «Сушица», сказав, что в цепелет этой книги заделано письмо Радеку. Эту книгу я взял с собой в Москву и по приезде передал ее Радеку у него на квартире. Я Радеку рассказал о своем разговоре с Троцким. Он сказал, что, очевидно, к моменту моего возвращения из отпуска он даст мне ответ для Троцкого. Вернувшись из отпуска в конце сентября 1933 года, я получил от Радека для передачи через Седова письмо Троцкому, заделанное опять-таки в переделанной немецкой книге.

Допрос подсудимого Сокольников

Вышинский: Расскажите, пожалуйста, о ваших отношениях к объединенному троцкистско-зиновьевскому террористическому центру.

Сокольников: Мне был известен состав объединенного центра, были известны террористические установки, было известно, что еще осенью 1932 года объединенный центр намечал подготовку террористических актов против Сталина и Кирова. Было известно, что Бакаеву поручена работа по сосредоточению всех связей с террористическими группами объединенного центра. Было известно, что московские террористические группы подчинены Рейнгольду. Мок работала в параллельном центре начавшем летом 1935 года. До этого она выражалась в выполнении поручений относительно переговоров с одним дипломатическим представителем. В начале 1934 года Каменов предупредил меня, что дипломатический представитель одной страны может обратиться ко мне с запросом о подтверждении того, что переговоры, которые ведутся Троцким за границей, ведутся не от моего собственного лица, а что за Троцким действительно стоит организация, представитель которой он и является.

Вышинский: Такой вопрос был обращен к вам?

Сокольников: Да, в середине апреля 1934 г., после окончания одной из официальных бесед с представителем одной страны, с которым я часто встречался по своим служебным обязанностям. Разговор произошел по окончании официальной беседы, когда переводчики вышли в соседнюю комнату. В то время, когда я провожал своего собеседника к выходу, он спросил меня, известно ли мне, что Троцкий обратился с некоторыми предложениями к его правительству. Я подтвердил, что мне это известно. Он спросил далее — являются ли эти предложения серьезными? Я подтвердил и это. Он спросил меня — является ли это моим личным мнением? Я сказал, что это не только мое мнение, что это мнение и моих друзей.

Вышинский: Вы передавали кому-нибудь об этой беседе с представителем иностранного государства?

Сокольников: Об этой беседе я примерно через месяц разговаривал с Радеком, а потом с Пятаковым. В июле 1935 года Радеку мне сообщил, что Троцкий выразил неудовольствие, что я выполнял это поручение формально, т.е. подтвердил полномочия, но не подтвердил предложения, по существу не защитил их, не агитировал за них.

Летом 1935 года, несколько месяцев спустя после ареста Зиновьева и части троцкистов, я знаю, что я введен в параллельный центр, считая, что я обязан связаться с его членами.

Я обратился первоначально к Радеку. Вопросы, которые мы обсуждали с Радеком, были вопросы выполнения террористических установок и вопросы организационного порядка в этой связи. Затем мы обсуждали и некоторые программные вопросы.

Вышинский: Какие, например?

Сокольников: Программные вопросы в связи с изменением международной обстановки. Мне известно было о переговорах, которые вели члены объединенного центра с немцами.

Вышинский: С кем персонально?

Сокольников: Я знаю, что Каменов вел переговоры с Бузариним и Рыкзавим, знаю, что Зиновьев и еще кто-то, сейчас не помню, вели переговоры с Томским и Углановым.

В этих переговорах была установлена общность и основных программных вопросов, и общность тактических установок, в частности принятие террористического способа борьбы. Но правые не вошли в блок. Они заявили, что, будучи согласны со всем, они хотят сохранить свою отдельную организацию, свою центральную группу и поддерживать лишь контакт с объединенным центром.

Что касается программных установок, то еще в 1932 году говорилось, что и троцкисты, и зиновьевцы, и правые сходились в основном на программе, которая раньше характеризовалась как программа правых. Это — так называемая рютинская платформа, она в значительной мере выражала именно эти, общие всем трем группам, программные установки еще в 1932 г.

Вышинский: Вы с Пятаковым говорили после того, как он вернулся из-за границы?

Сокольников: Да. Это было в январе 1936 г. Пятаков сообщил мне о том, что Троцкий вел переговоры с Гессом. В этих переговорах Гесс был уполномочен высказывать требования, которые касались не только германских интересов, но также интересов еще одной страны.

Вышинский: Конкретно, на какие силы вы рассчитывали внутри страны? На рабочий класс?

Сокольников: Нет.

Письмо это я передал Седову в Париже в ноябре 1933 года. Следующая моя встреча с Седовым была в апреле 1934 года в Париже. Я ему сообщил, что в скором времени буду назначен в Америку, так что по части связи помогать не смогу. Он об этом пожалел и затем, узнав, что я через короткое время еду в Москву, просил меня привезти от Радека подробный доклад о положении дел, о работе всей организации.

Вышинский: Вы выполняли поручение?

Сокольников: Да, выполнил. Я передал Радеку это поручение, и в мае 1934 года, перед моим отъездом в Америку, он мне вручил письмо, опять-таки заделанное в книгу. Письмо, по его словам, содержало подробные отчеты как действующего, так и параллельного центра о разветвленной политической и диверсионной работы. Это письмо я передал в Париже Седову.

Вышинский: Для кого?

Сокольников: Для Троцкого.

Вышинский: К чему сводились ваши разговоры с Седовым относительно вашего назначения в Америку?

Сокольников: Седов сказал мне, что в связи с моей поездкой в Америку имеется одна просьба Троцкого: в случае, если будет что-либо интересное в области советско-американских отношений, — его информировать. Когда я спросил, почему это так интересно, Седов сказал мне: «Вам известно, что наша установка — на приход к власти через поражение Советского Союза в войне. Конкретно речь может идти только о войне Германии и Японии против Союза. Поскольку японцы в своих решениях, отсрочках и т.п. будут, естественно учитывать то или иное состояние советско-американских отношений, они представляют собой интерес».

Вышинский: А вот в связи с тем, что вы говорите относительно социально-экономических планов: каково было отношение блока к политике индустриализации?

Сокольников: Отрицательное. Блок считал, что политика индустриализации будет свернута, что часть предприятий перейдет к концессионерам.

Вышинский: Т.е. вы хотели отказаться от политики индустриализации?

Сокольников: Да.

Вышинский: А политика коллективизации?

Сокольников: Предполагалось отказаться от нынешней политики коллективизации, свернуть эту политику.

Вышинский: Значит, восстановление классового деления общества?

Сокольников: Восстановление капитализма — это и есть восстановление классов.

Председательствующий: Подсудимый Сокольников, с какими террористическими группами вы были связаны в 1935-36 гг.?

Сокольников: В 1935 г. ко мне пришла Тивель и сообщила, что она связана с террористической группой Зака Гладяева. Тивель спрашивала указания о дальнейшей деятельности этой группы.

Председательствующий: На кого эта группа готовила покушение?

Сокольников: Мне Тивель говорила, что у них было задание подготовить террористический акт против Сталина.

Председательствующий: Известно вам было о подготовке в 1934 г. покушения на тов. Кирова? Известно ли был вам состав террористического центра, который готовил и осуществлял покушение на тов. Кирова?

Сокольников: Мне было известно в начале осени или в конце лета 1934 года, я точно не могу сказать, что в Ленинграде готовил покушение против Кирова. Кто его выполняет, я не знал. О деталях этого дела меня не освещали. Но в 1932 г. я слышал о составе ленинградского центра.

Далее Сокольников показывает, что ему было известно о существовании в Ленинграде террористического центра, в частности, — то и центр Эдуард Ловин, Колтонов, Мандельштам и другие, и что ему было известно о террористической деятельности Бакаева и Рейнгольда.

Сокольников: Мне было известно о подготовке в 1934 г. покушения на тов. Кирова? Известно ли был вам состав террористического центра, который готовил и осуществлял покушение на тов. Кирова?

Сокольников: Мне было известно в начале осени или в конце лета 1934 года, я точно не могу сказать, что в Ленинграде готовил покушение против Кирова. Кто его выполняет, я не знал. О деталях этого дела меня не освещали. Но в 1932 г. я слышал о составе ленинградского центра.

Далее Сокольников показывает, что ему было известно о существовании в Ленинграде террористического центра, в частности, — то и центр Эдуард Ловин, Колтонов, Мандельштам и другие, и что ему было известно о террористической деятельности Бакаева и Рейнгольда.

Сокольников: Мне было известно о подготовке в 1934 г. покушения на тов. Кирова? Известно ли был вам состав террористического центра, который готовил и осуществлял покушение на тов. Кирова?

Сокольников: Мне было известно в начале осени или в конце лета 1934 года, я точно не могу сказать, что в Ленинграде готовил покушение против Кирова. Кто его выполняет, я не знал. О деталях этого дела меня не освещали. Но в 1932 г. я слышал о составе ленинградского центра.

Далее Сокольников показывает, что ему было известно о существовании в Ленинграде террористического центра, в частности, — то и центр Эдуард Ловин, Колтонов, Мандельштам и другие, и что ему было известно о террористической деятельности Бакаева и Рейнгольда.

Вышинский: К чему сводились ваши разговоры с Седовым относительно вашего назначения в Америку?

Сокольников: Седов сказал мне, что в связи с моей поездкой в Америку имеется одна просьба Троцкого: в случае, если будет что-либо интересное в области советско-американских отношений, — его информировать. Когда я спросил, почему это так интересно, Седов сказал мне: «Вам известно, что наша установка — на приход к власти через поражение Советского Союза в войне. Конкретно речь может идти только о войне Германии и Японии против Союза. Поскольку японцы в своих решениях, отсрочках и т.п. будут, естественно учитывать то или иное состояние советско-американских отношений, они представляют собой интерес».

Вышинский: Для кого?

Сокольников: Для Троцкого.

Вышинский: К чему сводились ваши разговоры с Седовым относительно вашего назначения в Америку?

Сокольников: Седов сказал мне, что в связи с моей поездкой в Америку имеется одна просьба Троцкого: в случае, если будет что-либо интересное в области советско-американских отношений, — его информировать. Когда я спросил, почему это так интересно, Седов сказал мне: «Вам известно, что наша установка — на приход к власти через поражение Советского Союза в войне. Конкретно речь может идти только о войне Германии и Японии против Союза. Поскольку японцы в своих решениях, отсрочках и т.п. будут, естественно учитывать то или иное состояние советско-американских отношений, они представляют собой интерес».

Вышинский: А вот в связи с тем, что вы говорите относительно социально-экономических планов: каково было отношение блока к политике индустриализации?

Сокольников: Отрицательное. Блок считал, что политика индустриализации будет свернута, что часть предприятий перейдет к концессионерам.

Вышинский: Т.е. вы хотели отказаться от политики индустриализации?

Сокольников: Да.

Вышинский: А политика коллективизации?

Сокольников: Предполагалось отказаться от нынешней политики коллективизации, свернуть эту политику.

Вышинский: Значит, восстановление классового деления общества?

Сокольников: Восстановление капитализма — это и есть восстановление классов.

Председательствующий: Подсудимый Сокольников, с какими террористическими группами вы были связаны в 1935-36 гг.?

Сокольников: В 1935 г. ко мне пришла Тивель и сообщила, что она связана с террористической группой Зака Гладяева. Тивель спрашивала указания о дальнейшей деятельности этой группы.

Председательствующий: На кого эта группа готовила покушение?

Сокольников: Мне Тивель говорила, что у них было задание подготовить террористический акт против Сталина.

Председательствующий: Известно вам было о подготовке в 1934 г. покушения на тов. Кирова? Известно ли был вам состав террористического центра, который готовил и осуществлял покушение на тов. Кирова?

Сокольников: Мне было известно в начале осени или в конце лета 1934 года, я точно не могу сказать, что в Ленинграде готовил покушение против Кирова. Кто его выполняет, я не знал. О деталях этого дела меня не освещали. Но в 1932 г. я слышал о составе ленинградского центра.

Далее Сокольников показывает, что ему было известно о существовании в Ленинграде террористического центра, в частности, — то и центр Эдуард Ловин, Колтонов, Мандельштам и другие, и что ему было известно о террористической деятельности Бакаева и Рейнгольда.

Сокольников: Мне было известно о подготовке в 1934 г. покушения на тов. Кирова? Известно ли был вам состав террористического центра, который готовил и осуществлял покушение на тов. Кирова?

Сокольников: Мне было известно в начале осени или в конце лета 1934 года, я точно не могу сказать, что в Ленинграде готовил покушение против Кирова. Кто его выполняет, я не знал. О деталях этого дела меня не освещали. Но в 1932 г. я слышал о составе ленинградского центра.

Далее Сокольников показывает, что ему было известно о существовании в Ленинграде террористического центра, в частности, — то и центр Эдуард Ловин, Колтонов, Мандельштам и другие, и что ему было известно о террористической деятельности Бакаева и Рейнгольда.

Сокольников: Мне было известно о подготовке в 1934 г. покушения на тов. Кирова? Известно ли был вам состав террористического центра, который готовил и осуществлял покушение на тов. Кирова?

Сокольников: Мне было известно в начале осени или в конце лета 1934 года, я точно не могу сказать, что в Ленинграде готовил покушение против Кирова. Кто его выполняет, я не знал. О деталях этого дела меня не освещали. Но в 1932 г. я слышал о составе ленинградского центра.

Далее Сокольников показывает, что ему было известно о существовании в Ленинграде террористического центра, в частности, — то и центр Эдуард Ловин, Колтонов, Мандельштам и другие, и что ему было известно о террористической деятельности Бакаева и Рейнгольда.

Вышинский: Не приостанавливая? **Серебряков:** Не приостанавливая. **Вышинский:** Следовательно, я правильно понимаю, что вместо одного покушения, которое предлагал Мдвани, вы предложили два покушения?

Серебряков: Да. Когда в 1935 году я встретился опять с Пятаковым, возник вопрос о подготовке еще одного террористического акта, а именно против Ежова. Было дано задание Мдвани поставить вопрос о возможном объединении с дашнаками в Армении с мусаватистами — в Азербайджане и грузинскими меньшевиками — в Грузии.

Вышинский: Что было реально сделано по исполнению этого решения?

Серебряков: Расчет дашнаков и мусаватистов в конце 1935 года Мдвани мне сообщил, что он нащупал только связь, а с меньшевиками он заключил соглашение. Контакт с меньшевиками у него был установлен на той основе, что Грузия представляется преобладающим влиянием на территории Закавказья.

Вышинский: Грузия подчиняется своему влиянию Армению и Азербайджан?

Серебряков: Да. Она — самостоятельное государство, играющее в Закавказье ведущую роль. Допрашиваемый государственным обвинителем подсудимый Лявский подтверждает показания Серебрякова в части, касающейся связи с ним.

Подсудимый Пятаков подтверждает, что давал указания Лявскому о вредительской работе на транспорте.

Объявляется перерыв до 11 часов 25 января.

Дневник утреннего заседания 25 января

Утреннее заседание 25 января начинается с допроса свидетеля Логина, бывш. управляющего треста «Кокс». Логин состоит в украинском троцкистском центре, созданном по директиве Пятакова. Свидетель подтверждает связи с Пятаковым, его установки на террор и вредительство.

Заторопив бурный рост индустрии — так, в частности, оседел роль украинского троцкистского центра Логина. В соответствии с этим, как он заявляет, основное внимание было направлено на кохосиюню Вредительская деятельность велась так, что химические цехи коксовой промышленности вступали в строй на один-два года позже пуска коксовых печей. Так было, например, на Мариупольском заводе.

Вышинский: Это делалось преднамеренно?

Логин: Да, совершенно преднамеренно...

Свидетель показывает, что строительство того же Мариупольского завода шло без сооружения обслуживающих предприятий: складов, механической мастерской, лабораторий. Завод был пущен в 640 недочелками. Такая же система вредительства осуществлялась на Криворожском, Горловском, Ново-Ванкиевском и других предприятиях.

Свидетель Логин сообщает суду о том, как была выполнена директива Пятакова — найти подходящих людей для связей с германской контрразведкой. Одним из таких людей явился подсудимый Граше, который был связан с Ратайчаком. Граше был рекомендован Ратайчаку самим Логинным.

— Связь с Граше оправдалась? — обращается к Ратайчаку тов. Вышинский.

— Да, оправдалась! — довольно отвечает он.

После свидетеля Логина показания дает подсудимый Бугулавский. Член западно-сибирского троцкистского центра, он «специализировался», главным образом, на вредительстве в транспортном хозяйстве. Аварии на железной дороге, вывод из строя паровозов, вредительство на стройке новых железнодорожных участков — вот к чему привожил свои грязные руки троцкист Бугулавский. Допрос его подтверждает, что Бугулавский, в частности, был связан с террористом Бернштамом, готовившим покушение на товарища Сталина. По предложению Бугулавского Бернштам должен был доставить в Западную Сибирь 3 револьвера и 80 боевых патронов, но был арестован. Все эти факты подсудимый вынужден стараться скрыть на предварительном следствии.

Вышинский: Вы сразу стали давать откровенные показания? **Бугулавский:** Нет, не сразу, но скоро.

Вышинский: Вы совершенно добровольно, честно, искренно стали давать эти показания по своим внутренним личным убеждениям?

Бугулавский: Совершенно верно, и, если мне будет разрешено судом, я хочу изложить эти мотивы. Эти мотивы, по его словам, заключаются в том, что ему стала ясна невероятная гилья троцкистского подполья. И особенно омерзительные чувства охватили его тогда, когда он узнал, что Троцкий сговаривался с фашистами о распродаже Советской страны фашистам. О своих чудовищных замыслах главаря троцкистского центра не рождалось сообщать даже многим своим сподвижникам.

Последним на утреннем заседании допрашивался подсудимый Дробин. Ближайший помощник Лявского, он был послан в Кузбасс для руководства всей диверсионно-вредительской работой. Посылая Дробина в Кузбасс, Пятаков сказал ему, что в борьбе против Советского правительства все средства хороши, Дробин и подсудимый Норкин, связавшись с бывшими вредителями инженерами, торгавшими строительством Кемеровского комбината, срывали сроки сооружения такого важного предприятия, как азототурбинный комбинат, портал вентиляцию и производили газозаводные шахт. Давление признается, что в июле 1936 г. он дал директиву Носкову — произвести взрыв в шахте «Центральная» на Кемеровском руднике. Тот заметил ему, что без человеческих жертв не обойтись. И Дробин ответил: — Надо идти на убийство рабочих. Чем больше жертв, тем лучше. Это вызовет озабоченность рабочих против советской власти.

— Для кого было лучше? — спрашивает государственный обвинитель.

— Для вредителей, — отвечает Дробин.

— Для троцкистов? — Да! — нагло и вызывающе заявляет этот убийца, руки которого обрызганы кровью советских рабочих.

Вышинский: Не приостанавливая? **Серебряков:** Не приостанавливая. **Вышинский:** Следовательно, я правильно понимаю, что вместо одного покушения, которое предлагал Мдвани, вы предложили два покушения?

Серебряков: Да. Когда в 1935 году я встретился опять с Пятаковым, возник вопрос о подготовке еще одного террористического акта, а именно против Ежова. Было дано задание Мдвани поставить вопрос о возможном объединении с дашнаками в Армении с мусаватистами — в Азербайджане и грузинскими меньшевиками — в Грузии.

Вышинский: Что было реально сделано по исполнению этого решения?

Серебряков: Расчет дашнаков и мусаватистов в конце 1935 года Мдвани мне сообщил, что он нащупал только связь, а с меньшевиками он заключил соглашение. Контакт с меньшевиками у него был установлен на той основе, что Грузия представляется преобладающим влиянием на территории Закавказья.

Вышинский: Грузия подчиняется своему влиянию Армению и Азербайджан?

Серебряков: Да. Она — самостоятельное государство, играющее в Закавказье ведущую роль. Допрашиваемый государственным обвинителем подсудимый Лявский подтверждает показания Серебрякова в части, касающейся связи с ним.

Подсудимый Пятаков подтверждает, что давал указания Лявскому о вредительской работе на транспорте.

Объявляется перерыв до 11 часов 25 января.

Дневник вечернего заседания 25 января

Вечернее заседание начинается с допроса подсудимого Муравова. По предложению государственно-революционного троцкистского центра в Западной Сибири. Начало этой своей работы Муравов относит к 1928 году, ко времени своего приезда в Новосибирск. Задачей западно-сибирского троцкистского центра было объединение распыленных в Сибири троцкистских «кадров» для борьбы с советской властью, вредительство и террор.

Муравов при распределении обязанностей в западно-сибирском троцкистском центре взял на себя роль руководителя террора. В 1932 году Шестов привез Муравову письмо от Троцкого, полученное через Седова. Это было «блестящее» письмо, которое Муравов, однако, расшифровал антипринимом. После расшифровки оказалось, что письмо содержит директивы о терроре.

После этого Муравов, тоже в 1932 г., получил еще одно письмо от Троцкого, встречавшись в разное время со Смирновым и Пятаковым, узнал о существовании объединенного центра и параллельного, а также о существовании центра правых в лице Томского, Рыкова и Бухарина.

— Я удивился этому, — говорит Муравов. — Я знал, что они трусливые люди. Но Пятаков сказал мне, что теперь правые уже не те, что были. Они изменились.

Далее подсудимый рассказывает, как было совершено покушение на тов. Молотова. Поручение организовать покушение было дано Шестову, который заявил, что у него есть для этого подходящий человек — шофер.

— Однако, — спешит Муравов, — ни этот, ни другие террористические акты не состоялись.

Вышинский: Акты не удались? **Муравов:** Не удались. **Вышинский:** Вы отказались от актов и они не удались? **Муравов:** Не удались.

Вышинский предлагает подсудимому рассказать, какими образом должно было быть совершено покушение на тов. Молотова. Подсудимый Муравов явно не хочет распространяться на эту «неудачную» тему. Он в нескольких словах, скороговоркой, нехотя говорит о том, что террористический акт должен был быть проведен путем организации катастрофы в автомобиле, в котором ехал тов. Молотов. Машина должна была на ходу «сехать» в «канавку», но в последний момент шофер не решился пожертвовать своей жизнью и сохранил поэтому жизнь Молотову.

Государственный обвинитель обращается к Шестову. **Вышинский:** Вы подтверждаете, что показал Муравов об автомобильной катастрофе? **Шестов:** Подтверждаю, только есть неточности.

Вышинский: Какие? **Шестов:** Приводит подробную картину подготовки покушения на тов. Молотова.

Дело, оказывается, не в «канавке». Автомобиль должен был на полном ходу съехать в условленном месте, у шахты № 5, (в Прокопьевске) в овраг глубиной в 15 метров. На случай, если бы шофер в последнюю минуту «сдрейфил» и не решился бы свернуть в овраг, была подготовлена встречная грузовая машина, которая должна была с ходу ударить по машине с тов. Молотовым и скинуть ее в овраг... Шофер Арнольд, сидящий в зале на скамье подсудимых, — «сдрейфил», а действительно свернул руль влево, так что шофер грузовой машины пошел мимо, считая, что «все обстоит благополучно», но самый поворот руля влево не оказался достаточно «активным»: машина дотя и скатилась вниз и перевернулась, но все остались живы.

Опрошенный тут же подсудимый Арнольд подтверждает факт покушения на тов. Молотова, у него есть только замечания и расхождения с Шестовым «по техническому оформлению».

Вышинский: Но по существу факт был? **Арнольд:** Был. Из дальнейших показаний Муравова и Шестова выясняется, что западно-сибирский троцкистский центр готовил еще покушения на т. т. Эйхе и Орджоникидзе и что Муравов был в курсе всех вредительских и диверсионных актов в промышленности и на транспорте в Сибири.

Когда перед судом прошла вся картина гнусных преступлений Муравова, тов. Вышинский спросил его: — Что привело вас на этот путь? **Муравов:** Грехопадение мое началось с 1923 г., с момента подписания письма «46» о несогласии с большинством партии. Затем озлобление за репрессии. Государственный обвинитель спрашивает тогда, почему Муравов, борющийся с 1923 г. с партией, решился все же дать правдивые показания и почему он 8 месяцев после ареста молчал, отрицая все. Муравов объясняет и то и другое очень подробно. Он молчал по двум причинам: был озлоблен, что его посадили в тюрьму, был лично дружески связан с Троцким, морально не считал возможным изменить Троцкому. Заговорил же он, наконец, и решил раскрыться потому, что понял, что он ходом событий превращается в знамя контрреволюции, а перспектив для борьбы с советской властью — никаких. — Если я останусь дальше так, — заявляет Муравов, — могу стать знаменем контрреволюции. Это меня страшно испугало. В то время на моих глазах росла кадри, промышленности, народное хозяйство... Я не спевец и не такой фанатик. И я сказал себе, чуть ли не на восьмом месяце, что надо подчиниться интересам того государства, за которое я боролся в течение 23 лет, за которое сражался активно в трех революциях, когда десятки раз моя жизнь висела на волоске.

Председательствующий Ульрих: Хотя бы ни к чему не причастны? **Дробин:** Ну, само собой понятно...

Дневник вечернего заседания 25 января

Вечернее заседание начинается с допроса подсудимого Муравова. По предложению государственно-революционного троцкистского центра в Западной Сибири. Начало этой своей работы Муравов относит к 1928 году, ко времени своего приезда в Новосибирск. Задачей западно-сибирского троцкистского центра было объединение распыленных в Сибири троцкистских «кадров» для борьбы с советской властью, вредительство и террор.

Муравов при распределении обязанностей в западно-сибирском троцкистском центре взял на себя роль руководителя террора. В 1932 году Шестов привез Муравову письмо от Троцкого, полученное через Седова. Это было «блестящее» письмо, которое Муравов, однако, расшифровал антипринимом. После расшифровки оказалось, что письмо содержит директивы о терроре.

После этого Муравов, тоже в 1932 г., получил еще одно письмо от Троцкого, встречавшись в разное время со Смирновым и Пятаковым, узнал о существовании объединенного центра и параллельного, а также о существовании центра правых в лице Томского, Рыкова и Бухарина.

— Я удивился этому, — говорит Муравов. — Я знал, что они трусливые люди. Но Пятаков сказал мне, что теперь правые уже не те, что были. Они изменились.

Далее подсудимый рассказывает, как было совершено покушение на тов. Молотова. Поручение организовать покушение было дано Шестову, который заявил, что у него есть для этого подходящий человек — шофер.

— Однако, — спешит Муравов, — ни этот, ни другие террористические акты не состоялись.

Вышинский: Акты не удались? **Муравов:** Не удались. <